

18+

ЛЕННИ КРАВИЦ

**ПУСТЬ ПРАВИТ
ЛЮБОВЬ**

АВТОБИОГРАФИЯ

**Ленни Кравиц
Дэвид Ритц**

Пусть правит любовь.

Автобиография

Серия «Подарочные издания. Музыка»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67260681

Пусть правит любовь. Автобиография: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-166383-4

Аннотация

«Я весьма двуликий человек: одновременно черный и белый, иудей и христианин, манхэттенец и бруклинец. В юности моя жизнь была полна противоположностей и крайностей».

В первой части своей автобиографии известный музыкант-мультиинструменталист, актер, четырехкратный обладатель премии «Грэмми» Ленни Кравиц рассказывает про свое детство и юность. Вы сможете проследить восхождение молодой звезды: от робкого, но доброго мальчика из артистической семьи до эпатажной иконы стиля и обладателя потрясающего голоса певца. Ленни Кравиц расскажет вам про жизнь в Нью-Йорке 70-х годов прошлого века, про первые музыкальные опыты, про знакомство с Лизой Бонет и рождение их дочери Зои. И разумеется, про

выход своего первого альбома Let love rule, получившего статус «золотой».

Эта поэтическая и философская история о мальчике из двух разных миров, двух культур, религий, национальностей. История о том, как рождается уникальность и обретается слава.

Книга стала мгновенным бестселлером New York Times.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие	7
Манхэттен и Бруклин	9
Гринвич-Виллидж, 1963 год	9
Близнецы	13
Ленни Джексон	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ленни Кравиц, Дэвид Ритц

Пусть правит любовь.

Автобиография

Посвящается моей матери

LET LOVE RULE

LENNY KRAVITZ with DAVID RITZ

Copyright © 2020 by Lenny Kravitz

© В. Наумова, перевод на русский язык, 2022

© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

КОМАНДА ПРОЕКТА

ПЕРЕВОДЧИК И НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР – Вера Наумова

(«Момент взлета», «Не тупи», «Нунчи», «I Am That Girl», «Неудобные разговоры», «Мышление миллионера», «Слова, которые меняют сознание», «Смелая, неидеальная», «Вторая вершина»)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РЕДАКТОР – Яна Михайлова
(«True Believer: взлети падение Стэна Ли», «Тяжелее небес.

Жизнь и смерть Курта Кобейна, о которых вы ничего не знали прежде», «Королевы анимации Disney. Кто и как придумывал всем известных принцесс: от Белоснежки до Мулан»).

КОРРЕКТОРЫ – Ольга Шупта, Виктория Шабанова

Предисловие

Я не могу дышать.

Деревянный гроб, в котором я оказался, опускается все глубже и глубже в холодную темную землю. Меня охватывает страх, и я постепенно впадаю в состояние паралича. Слышу, как меня засыпают землей. Сердце бешено колотится в груди. Я не могу кричать, а если бы и мог, кто бы меня услышал? Как раз в тот момент, когда на мою могилу падает последняя лопата земли, я с усилием вырываю себя из этого кошмара и оказываюсь на пропитанной потом и мочой кровати в маленькой квартире на острове Манхэттен, которую в моей семье принято называть домом. Потрясенный и растерянный, я выхожу из крошечной спальни в темную гостиную, где на раскладном диване спят мои родители. Я стою у их кровати, просто смотрю на них... и жду.

Что за странный сон у пятилетнего ребенка? Что я пережил, чтобы мое подсознание начало выдавать подобные образы? Шел 1969 год. К тому моменту я видел жестокость только в мультфильмах про Багза Банни и Дорожного Бегуна на восьмидюймовом черно-белом экране нашего портативного телевизора фирмы Singer.

Мама чувствует мое присутствие и просыпается: «Что случилось?» Я признаюсь, что мне приснился дурной сон. Она берет меня на руки и уносит в спальню. Быстро меняет

постельное белье, приносит теплое полотенце, вытирает меня и переодевает в свежую пижаму. Мама успокаивает меня, и я снова погружаюсь в сон.

Эти картинки повторялись в моих снах бесчисленное количество раз. Прошли годы, прежде чем я понял их истинное значение.

Теперь я знаю, что со мной говорил Бог. Думаю, что через сны он хотел донести до меня, что жизнь не заканчивается на могильной плите. После смерти есть что-то вечное. Но не буду забегать вперед. Лучше вернемся к началу этого путешествия.

Манхэттен и Бруклин

Гринвич-Виллидж, 1963 год

На маленькой эстраде подвального джаз-клуба, воздух которого пропитан густым дымом, под приглушенным светом Джон Колтрейн управляет своей ритм-секцией. Слегка кивая, он задает мучительно медленный ритм. Элвин Джонс расслабленно работает кистями, создавая легкий шепот на своих барабанах. Маккой Тайнер играет утонченное фортепианное вступление. Басист Джимми Гаррисон дополняет общую композицию мягким сердцебиением. Затем, сделав глубокий вздох, вступает сам Колтрейн. Звук его тенор-саксофона поражает воображение – богатый, сочный, знойный.

За угловым столиком уверенный в себе еврей смотрит в глаза соблазнительной афрокарибской женщине.

Это моя мама, Рокси Рокер, и отец, Сай Кравиц.

Он – тридцатидевятилетний журналист и продюсер телеканала NBC News, чей офис располагается в Рокфеллеровском центре в Среднем Манхэттене. Много лет назад в этом самом здании отец начинал свою карьеру в качестве прислуги. Он был человеком с активной жизненной позицией. Бывший «зеленый берет», который участвовал в Корейской войне, он также является членом резерва. Его родители, Джо

и Джин Кравиц, живут в бруклинском районе Шипсхед-Бей вместе со многими другими евреями русского происхождения.

Папа в разводе. От прошлого брака у него осталось две дочери. Он живет один в однокомнатной квартире с арендной платой 350 долларов в месяц на Восточной Восемьдесят второй улице, 5, недалеко от Центрального парка в Верхнем Ист-Сайде. Выпускник Нью-Йоркского университета, модник и невероятно обаятельный человек. Он любит музыку, особенно джаз, и театр. У него есть артистические способности, но их перевешивает стремление к порядку и дисциплине.

Именно в Рокфеллеровском центре он и знакомится с Рокси Рокер, которой на тот момент было тридцать четыре года. Моя мама – эмоциональная и очень изящная женщина. Она состояла в женском обществе «Альфа-Каппа-Альфа» и изучала драматическое искусство. Окончив Говардский университет с отличием, мама поступает в Шекспировский институт в английском городе Стратфорд-апон-Эйвон и присоединяется к театральной труппе в Копенгагене. Она выступает во внебродвейских постановках и зарабатывает на жизнь, работая ассистенткой одного из боссов телеканала NBC.

Мама – идеальный исполнительный секретарь: эффективная и грациозная во всех отношениях. Она унаследовала такое отношение к работе от своих родителей. Ее отец-бага-

мец, который всего в своей жизни добился сам, и мать, уроженка штата Джорджия и домработница по профессии, владеют домом, в котором мама выросла. Он находится в одном из районов Бруклина, Бедфорде-Стайвесанте.

Рокси никогда раньше не встречалась с белыми мужчинами. Но ее беспокоит не цвет кожи моего отца, а тот факт, что они работают в одном офисе. А еще ей немного не по себе оттого, что он был женат и развелся, а также оттого, что отец, кажется, не так уж близок со своими дочерьми. Она скептически относится к нему как к личности.

Папа приводит маму на бродвейскую постановку пьесы *«Суровое испытание»*. В клубе The Five Spot они попадают на выступление Телониуса Монка. В центре города родители видят Элвина Эйли. В 92nd Street Y они слушают, как Лэнгстон Хьюз читает стихи. Сай и Рокси – родственные души. Он полон решимости завоевать ее сердце.

Теперь, когда он встретил самую соблазнительную женщину в Нью-Йорке, Сай уверен в себе. **Рокси заинтригована и польщена его вниманием. Она в восторге оттого, что человек проделывает путь до центра города специально для того, чтобы посмотреть на ее выступление в авангардной пьесе.** Ее восхищает его энтузиазм и настойчивость – это те качества, которые ее научил ценить отец.

У мамы свои мечты и амбиции. Она – яркая молодая звезда: талантливая образованная актриса, страстный и уравно-

вешенный человек. Она предлагает, а позже даже настаивает на том, чтобы Сай связался с дочерьми и наладил с ними контакт. Для нее это самый настоящий камень преткновения. Он соглашается, и, несмотря на все беспокойства, между ними устанавливается прочная связь.

Магическим образом мечты Сая и Рокси сливаются воедино. Они по уши влюбляются друг в друга, и он делает ей предложение. На следующий вечер мама отправляется в кафе «Карлайл», что на Мэдисон-авеню, чтобы посоветоваться со своим дорогим приятелем Бобби Шортом, знаменитым певцом и пианистом кабаре. Что он думает о ее браке с Саем?

В своей величественной манере Шорт отвечает: «Что ж, я не могу представить, чтобы тебя позвал замуж кто-то еще».

Свадьба – скромное событие, на котором родители отца, убитые горем из-за того, что их сын женится на черной женщине (еще и не еврейке в придачу), отказались присутствовать. Они пришли в себя только после того, как родился я. Мне нравится сама мысль о том, что я, не делая ничего особенного, просто своим появлением принес мир в свою семью.

Близнецы

Я весьма двуликий человек: одновременно черный и белый, иудей и христианин, манхэттенец и бруклинец.

В юности моя жизнь была полна противоположностей и крайностей. В детстве все воспринимается спокойно. Так что я принял свою «близнецовскую» сущность. Я с гордостью наслаждался всеми ее преимуществами. Честно говоря, я ее просто обожал. Инь и Ян смешались в моем сердце и разуме, придавая жизни равновесие и подпитывая мою любознательность, что делало меня счастливым.

Несмотря на это, в детстве меня преследовали ночные кошмары, едва проснувшись, я всегда был полон энергии. Бодрый и живой. Готовый исследовать мир. Готовый к приключениям. Многие вспоминают, что в их детстве было полно травматических ситуаций. Я хочу поделиться с вами теми потрясениями и проблемами, с которыми столкнула меня жизнь, но моя история – это не одна сплошная тьма. Моя юность была полна радости, и окружала меня бесконечная безусловная любовь. Со стороны моей мамы и дюжины очаровательных крестных, со стороны бабушек и дедушек, со стороны соседей, которые были мне как родные тети и дяди, со стороны сестер, кузенов и друзей, которые стали моей семьей.

Отец тоже заботился обо мне, но мне потребовалось вре-

мя, чтобы это понять. Он не знал, как показать свою привязанность, и наши отношения были довольно напряженными, потому что мы были слишком разные. **Отец жил в рамках суровой дисциплины. Я рвался на свободу.** Я с рождения был грязным и диким, как и большинство маленьких детей. Папа ненавидел беспорядок и ругал меня, увидев где-то на полу хоть одну завалившуюся игрушку.

Дело в том, что у меня были проблемы с дисциплиной. Отец был упрям, как и я. Эта черта характера была свойственна нам обоим. Во мне бурлила такая неистовая воля, которую было невозможно сдержать. Отец обладал такой властью, которую было невозможно оспорить. Мы с папой работали над достижением диаметрально разных целей с одинаковым рвением. Со временем наши разногласия только усугублялись. Только недавно я начал понимать, насколько мы похожи. Я безмерно благодарен ему за то, что он появился в моей жизни. Отец никогда меня не бросал. В трудные минуты он был рядом и предлагал незаменимую помощь. Ссоры приводили нас в тупик, но в конце концов я становился только сильнее. Я попросту не смог бы стать тем, кем являюсь сегодня, без этой борьбы двух сил. Какими бы безобразными ни были наши стычки, каждая из них несла в себе урок. Чтобы стать собой, мне пришлось испытать на себе воспитание отца.

Мама была и остается моим сердцем. Именно она пове-

сила над моей кроватью плакат с надписью: «Война вредна для здоровья детей и других живых существ». Именно мама нарисовала на моей щеке знак пацифика и с гордостью провела меня по антивоенному маршу в Центральном парке. Естественно, я не понимал политического подтекста, но мне нравилась атмосфера толпы, которая в один голос пела «Give Peace a Chance». Я чувствовал, что оказался в самом центре важного исторического момента. Я знал, что нахожусь под защитой доброты, которую излучала мама, и для этого ей даже не нужно было прилагать никаких усилий.

Прежде всего она хотела удостовериться, что я знаю, кто я и где нахожусь, в прямом смысле слова. Для этого она научила меня моей самой первой песенке. У нее была очень милая мелодия. **Я пел: «Меня зовут Леонард Альберт Кравиц. И я живу в Нью-Йорке, на Восточной Восемьдесят второй улице, дом 5. А еще я живу с бабушкой в доме 368 на Труп-авеню в Бруклине».**

Оглядываясь назад, я понимаю, что у этой песни был более глубокий смысл, чем я предполагал. В ней заключена двуликость моего детства. Два мира, две личности. Обе делали меня счастливее. Обе сформировали меня как человека. Я не знаю, как и почему смог с такой легкостью впитать в себя две совершенно разные культуры и все же сохранить уверенность в собственном теле. Полагаю, что именно эта невероятная способность приспосабливаться к чему угодно позволяет мне быть счастливым где угодно. Полвека спустя

я по-прежнему благодарен за это.

Позвольте мне вкратце обрисовать ситуацию.

Наша квартира в Манхэттене на Восточной Восемьдесят второй улице, 5, находилась на третьем этаже некогда огромного пятиэтажного дома, разделенного на дюжину скромных квартир. В 1960-е годы в теперь уже элитном Верхнем Ист-Сайде все еще можно было найти доступное жилье. Это здание, построенное по образцу парижской архитектуры в стиле бозар начала прошлого века, стало памятником былой славы: железные двери со стеклянными вставками и коваными элементами декора, резные херувимы и богато украшенный вестибюль с широкой мраморной лестницей и крошечным европейским лифтом.

Из окон нашей компактной квартиры, расположенной в задней части здания, открывался удручающий вид на кирпичные стены. В гостиной находилась небольшая обеденная зона и пианино-спинет. Рядом были полки, заполненные книгами и джазовыми пластинками, например *Go Tell It on the Mountain* Джеймса Болдуина и *Yes I Can!* Сэмми Дэвиса-младшего. В стороне виднелась небольшая кухня-камбуз. Там же был раскладной диван, на котором спали мои родители. Единственную спальню они отдали мне. Из-за этого я чувствовал себя особенным. Еще мама и папа могли устраивать посиделки, при этом не мешая мне спать. У моих родителей было огромное множество удивительных друзей, ко-

торых они любили принимать у нас дома. Моя комната была заполнена всякой всячиной, которая нравится маленьким мальчикам: Hot Wheels, модели самолетов, фигурки Франкенштейна и Человека-волка, и, что круче всего, у меня был пластиковый музыкальный проигрыватель.

Легенда футбола Джо Намат жил через дорогу от нас. Иногда он играл с нами, детьми, в мяч. А всего в нескольких шагах, в конце квартала, словно крепость над восточной границей Центрального парка, возвышался могучий Музей искусства «Метрополитен».

Хотя наш дом был небольшим, многие соседские дети жили в огромных квартирах. Это был мир привилегий.

В Бруклине, напротив, я такого не замечал. Мамины родители жили за Ист-Ривер, в Бедфорде-Стайвесанте, где в основном живут афроамериканцы. Первые годы жизни мне пришлось танцевать между двумя боро¹. Я чувствовал, что мое место – и в Бруклине, и на Манхэттене. Честно говоря, так оно и было.

Мое образование началось в бруклинском детском саду под названием Junior Academy. Так что всю неделю я жил в трехэтажном доме маминых родителей на углу Труп-авеню и Косцюшко-стрит, в самом сердце Бед-Стая. В пятницу днем меня забирали родители на своем «жуке» и отвозили на выходные на Манхэттен.

¹ Боро – единица административного деления. Статус боро в городе Нью-Йорк отличается от боро в других штатах и странах. – *Прим. пер.*

Главными людьми в моей жизни в Бруклине были два феноменальных человека, мои бабушка и дедушка по материнской линии – Альберт и Бесси Рокер. Они осыпали меня, своего единственного внука, любовью. Дедушка, который родился на маленьком отдаленном острове Инагуа на Багамах, был вынужден стать хозяином в своем доме в возрасте девяти лет, когда умер его отец и оставил четверых детей на попечение своей больной жены. У дедушки до подросткового возраста не было ни электричества, ни холодильника. В конце концов он перебрался в Майами, где уроженка Джорджии, южная красавица Бесси, работала в кафе-мороженом. Они влюбились друг в друга, поженились и переехали на север, в Нью-Йорк, в поисках лучшей жизни. Никогда еще мир не видел более трудолюбивого работника, чем Альберт Рокер. Дедушка одновременно был маляром, швейцаром, разнорабочим и чернорабочим на фабрике, где впоследствии стал начальником цеха. Он всегда тратил меньше, чем зарабатывал, и разумно распоряжался деньгами, думая о благополучии своей семьи и образовании дочери.

Дедушка часто рассказывал о видении, которое посетило его в детстве: когда он вырастет, то никогда ни в чем не откажет своей жене или ребенку. Дедушка решил, что всегда будет исполнять любую их просьбу. Так и произошло.

Альберт любил учиться. Стопроцентный самоучка, он знал Библию, цитировал Шекспира, Сократа и Малькольма Икса. Альберт мог проглотить целую книгу за одну ночь. Он

стремился совершенствовать свой ум. Еще он сделал все возможное, чтобы познакомить свою дочь с выдающимися образцами мировой культуры.

Когда маме было тринадцать, дедушка повел ее в театр слушать оперу *«Порги и Бесс»*, где их заставили сесть в части зала, которая предназначалась «только для цветных». Несмотря на иронию судьбы – чернокожие артисты выступали с мюзиклом перед аудиторией, в которой к чернокожим относились как к людям второго сорта, – постановка вызвала у мамы интерес к театру. Благоразумное обращение отца с деньгами позволило ей поступить в Говардский университет.

По утрам в воскресенье дедушка надевал на меня костюм и галстук, и на его «Кадиллаке» мы отправлялись в Линкольн-центр. Там в Эйвери Фишер Холле Доктор Эрвин Сил проводил службы во внеконфессиональной Церкви Истины. В своих проповедях Доктор Сил восхвалял великих учителей и пророков Будду, Иисуса и Моисея. Дедушка прочитал все книги Доктора Сила, названия которых (*«Десять слов, которые изменяют вашу жизнь»* и *«Успех – это вы»*) отражали свод его правил самосовершенствования как духовной эволюции. Хотя мои будущие жизненные ориентиры не совсем совпадали с его мировоззрением, эти проповеди познакомили меня с концепцией подобного мировосприятия и побудили к началу формирования своей собственной связи с неизвестным.

Какими бы ни были способности и увлечения моего отца,

среди них не было преданного отношения к Богу. Дедушка был моим путеводным светом в этом мире, и даже больше. Еще он стал приемным отцом для десятков соседских мальчиков. Дедушка водил детей в боулинг, возил за город играть в гольф, покупал им билеты в музеи и на бродвейские спектакли. Он оформил для каждого из них абонементы в библиотеку и показал, как подать заявление в училище и колледж. Дедушка видел возможности для самосовершенствования на каждом шагу. Но самое замечательное в нем было то, что он видел эти возможности не только для себя, но и для всех остальных людей – особенно для детей, которым не хватало ресурсов. Дедушка стал этим ресурсом для целого района.

Он был очень дисциплинированным человеком, но его стиль поведения сильно отличался от папиного. Если я его не слушался, дедушка усаживал меня и, как психолог, объяснял, что мое плохое поведение больше вредит мне самому, чем кому-либо другому. Он бубнил одно и то же, снова и снова. Ему хотелось, чтобы я понял, *почему* совершил такой поступок, определил проблему и решил ее. Весь этот процесс доставлял мне столько мучений! Бывало, я думал, что лучше бы он меня бил. Но, слава богу, дедушке хватало проницательности и терпения. Его подход к воспитанию был просто бесценен.

У него был багамский акцент, как у Сидни Пуатье. Бабушка разговаривала с легким джорджийским акцентом и по-

сещала методистскую церковь. Если дедушка был воплощением интеллекта, бабушка же была душой. Она была любовью всей моей жизни. Полнотелая женщина, которая обожала южную жареную стряпню, Бесси обладала дарованной ей богом способностью видеть людей насквозь. Когда дедушка пускался в философские рассуждения, она смотрела на него так, будто хотела сказать: «Альберт, *пожалуйста!*»

Тогда Бед-Стай был деревней, общиной, состоящей из переселенцев, которые, как и бабушка, были родом «с юга» или, как дедушка, из стран Карибского бассейна. Этот район казался безопасным. Вспоминая Бед-Стай, я думаю о Матушке-сестрице, героине Руби Ди из фильма Спайка Ли «*Делай как надо!*», которая наблюдает за окрестностями из своего окна. У нас повсюду были свои матушки-сестрицы. Если бабушка была на работе, а одна из матушек-сестриц ловила меня за какой-нибудь шалостью, то меня отчитывали прямо на месте. Потом она обо всем рассказывала бабушке, а это означало, что мне еще раз надерут задницу.

Бабушка настолько сильно заботилась обо мне и любила, что, даже если мне попадало за дело, она всегда меня защищала. Бабушка всеми силами отрицала, что это сделал я, а потом, уже наедине, устраивала мне взбучку. Целью наказания было проучить меня, а не пристыдить при чужих людях. Поэтому она никому не позволяла меня позорить. И все же она не умела долго злиться. К вечеру я уже лежал, свернувшись калачиком в ее постели, и мы вдвоем смотрели ситко-

мы «Я люблю Люси», «Новобрачные» или ее любимое «Шоу Лоуренса Велка».

Не только жизнь с бабушкой и дедушкой в Бед-Стае была отдельной вселенной, но и я был совершенно другим человеком с совершенно другим именем. Это произошло потому, что многие наши соседи приехали с юга. (Все постоянно говорили «Down South». Я долго думал, что это название города, пока не убедился в обратном.) Большинство переселенцев сохранили свой протяжный говор. Когда я встретил Поппи Бранча, соседского парнишку, который недавно переехал вместе со всей своей семьей «с юга», его сестра Рене спросила меня:

– Как тебя зовут?

– Ленни.

– Эдди?

– Я же сказал, Ленни.

– О, дааа. Эдди.

Я сдался. Вот так для жителей Бруклина я стал Эдди. На Манхэттене я был Ленни (раньше я писал свое имя с «-ie» на конце), а в Бруклине – Эдди. Моя близнецовская задница была довольна.

Улицы будоражили мое воображение. Это было то время – конец 1960-х и начало 1970-х, – когда Бед-Стай еще не успел превратиться в зону военных действий. Были и преступления, и проявления жестокости, но к старшим по-прежнему относились с уважением. Что бы ни про-

исходило, когда мой дедушка шел по улице, его всегда приветствовали: «Здравствуйте, господин Рокер!» Если бабушка возвращалась домой из супермаркета с охалкой продуктов, мальчики обязательно помогали ей донести их до двери.

Мне нравились те персонажи, которые прогуливались по тротуарам, щеголяя своими лучшими брюками из габардина «ручной работы», сшитыми хозяином химчистки. Он был очень важным и стильным человеком. Многие носили туфли на платформе, золотые цепочки и пышные прически в стиле афро.

Мои приятели жили в квартирах с облупившейся краской на стенах и потрескавшимся линолеумом на полу. Мы сидели на ящиках из-под молока и пили Kool-Aid² из банок из-под желе. И все же эти места были полны жизни и любви. Куда бы я ни забрел, я был членом семьи. Мамы моих друзей относились ко мне как к собственному сыну. Они всегда ставили дополнительную тарелку с курицей, фасолью и рисом.

Саундтреком Бед-Стая был соул. В воздухе постоянно витала музыка. Кто-нибудь то и дело включал пластинки Джеймса Брауна на своем проигрывателе. Некоторые песни надолго застревают у меня в голове: госпожа Моды Осборн, которая снимала у моих бабушки с дедушкой жилье на третьем этаже, любила слушать «Rescue Me» Фонтеллы Басс, пытаясь утопить свою грусть на дне бокала. Не уверен, что

² Kool-Aid – это бренд ароматизированной смеси для напитков. Продается в виде порошка, который нужно растворить в воде. – *Прим. ред.*

хоть кто-нибудь ее спас, но я и правда любил эту песню.

Достопримечательности и звуки Бед-Стая: бумбоксы, соседские вечеринки, толпы мужчин вокруг жестяных транзисторных радиоприемников, из которых доносятся последние сводки с бейсбольной игры «Метс» и «Янкир», звуки сальсы, пульсирующие из многоквартирного дома, в котором в основном живут пуэрториканцы. Одежда висит на веревках, растянутых над переулками. Девочки прыгают через резинку напротив магазина у дома, где мы покупали миниатюрные бутылочные ракеты, ставили их на землю, поджигали и с легкомысленным удовольствием наблюдали, как они взлетают вслед за пешеходами – отсюда и их название «охотники за ниггерами». В такие моменты я становился плохим мальчиком.

А когда я был хорошим мальчиком, то ходил с бабушкой по ДеКалб-авеню на рыбный рынок за свежим хеком. Мы прогуливались мимо фруктово-овощных киосков, мясных лавок и парикмахерских, музыкального магазина и китайской забегаловки с пуленепробиваемой витриной. Дома я помогал бабушке обваливать рыбу в кукурузной муке и жарить ее на чугунной сковороде. После ужина она никогда не мыла сковородку. Она переливала немного масла в старую банку от Chock full o’Nuts, а остаток продолжал свою жизнь на сковороде. Годами копившиеся жир и любовь придавали ее блюдам оригинальный вкус, с которым по сей день ничто не может сравниться.

Кто был счастливее – Эдди в Бруклине или Ленни на Манхэттене?

Я никогда об этом не задумывался. Оба эти места имели характер и свою собственную подлинную атмосферу. Меня воодушевил бы любой из этих районов. Но от жизни одновременно в обоих местах мое вдохновение лилось через край. **Я рвался вперед и изучал все крайности своих интересов и размышлений. Я понял, что могу найти приключение где угодно.**

Возьмем наш шикарный район в Верхнем Ист-Сайде. Некоторые считали его чопорным или даже снобистским. Я видел в нем живописный пейзаж, практически парк развлечений. В нескольких шагах от нашей парадной двери находилась Пятая авеню, где у входа в Метрополитен-музей постоянно толпились люди: туристы, местные жители, школьники, продавцы хот-догов, продавцы открыток, акробаты, художники-карикатуристы, роликовые конькобежцы и мимы. Одним из таких мимов был Робин Уильямс, как я узнал много лет спустя во время просмотра ситкома *«Морк и Минди»*.

В противоположном направлении находилась Мэдисон-авеню. Я не могу представить себе две более разные улицы, чем ДеКалб-авеню в Бед-Стае и Мэдисон-авеню на Манхэттене. ДеКалб-авеню была фанковой, Мэдисон – роскошной: квартал за кварталом тянулись бутики и книжные магазины, где я листал комиксы *Peanuts* и *Curious George*, антикварные магазины и художественные галереи со странными

предметами и великолепными картинами в витринах, французские пекарни с блинчиками и воздушными круассанами.

После детского сада Junior Academy в Бруклине все перевернулось с ног на голову. С тех пор я проводил будни на Манхэттене, а у бабушки с дедушкой гостил только на выходных. Все потому, что родители записали меня в подготовительный класс Этико-культурной школы в Верхнем Вест-Сайде, а затем отдали в первый класс в Муниципальную школу № 6 всего в квартале от нашего дома. Поскольку в нашем районе жили очень богатые люди, P. S. 6 выглядела как прогрессивная частная школа. Она во всех смыслах образовывала и пробуждала.

В первый же день в школе к нам подбежал мальчишка, указал на меня и моих родителей пальцем и заорал: «У тебя мама черная, а папа белый!» До этого момента я никогда не задумывался о цвете кожи родителей. Они были такими, какими были. Да и какая разница? Кому какое дело? Что тут такого особенного? Упрек этого парня не имел для меня никакого смысла, но все-таки заставил задуматься. Меня записали в изгой, и я понятия не имел почему.

Когда в тот же день я вернулся домой, мама поняла, что что-то не так. Еще она знала, что детям трудно выражать свои чувства. Вот почему много лет назад мама придумала игру, в которой она превращалась в персонажа – волшебную собаку по имени Рафф-Рафф. Рафф-Рафф был моим другом, которому я мог рассказать все, что угодно. Мама подум-

мала, что с его помощью можно заставить меня выразить те чувства, которые я пытался оставить при себе.

Игра начиналась с того, что мама просила меня сказать: «Абракадабра!» После этого она вдруг превращалась в Рафф-Раффа. Рафф-Рафф хотел услышать все, что было у меня на уме, все то плохое, что могло произойти за день, все мои страхи, все эти кошмары о том, что я оказался в могиле. Рафф-Рафф кивал, улыбался или смеялся, он всегда понимал меня. Рафф-Рафф хранил мои секреты и всегда помогал мне почувствовать себя чуть лучше. Чтобы вернуть маму, мне нужно было еще раз сказать: «Абракадабра», и вот она снова оказывалась передо мной. Рокси Рокер была одаренной актрисой, матерью и человеком, способным понимать чужие чувства, а также смешивать все эти три роли.

Помимо диалога Рафф-Раффа и малыша Ленни мама выразила свое мнение о расовом вопросе. Она знала, что мне будет недостаточно просто дать волю своим чувствам, после того как какой-то мальчик назвал меня зеброй. Она поняла, что мне потребуется объяснение. Ее объяснение было простым: во мне сплелись две культуры – русско-еврейская и афро-карибская, – и я должен гордиться обеими. В то же время она ясно дала понять, что мир всегда будет видеть во мне *только* мою черную часть. Для всего мира цвет моей кожи будет первой и единственной отличительной чертой. Я принял ее объяснение и не стал возражать. Если мир воспринимает меня именно так, прекрасно.

И тогда, и сейчас я гордо называю себя Черным.

Папа тоже гордился тем, что у него чернокожие жена и сын. Он не только любил мою мать, но и обожал бабушку Бесси. Теща была ему ближе собственной матери. Еще он очень уважал своего тестя. Эти двое были настоящими друзьями.

Между папиной и маминой родней никогда не было конфликтов. **За конфликты отвечали мы с папой. Его характер определяла военная подготовка. И он был полон решимости переложить это свойство на меня.** Каждое утро он заставлял меня застилать постель настолько идеально, чтобы от нее отскакивал четвертак. Он изводил меня, если хоть одна книга, игрушка или предмет одежды лежали не на своем месте.

Я был всего лишь ребенком. Я не оправдывал его ожидания. Он постоянно был мной недоволен. И все же Сай Кравиц был многогранным человеком. Он был не только жестким, но и крайне харизматичным мужчиной. Одним из его даров была общительность. Сай мог разговорить *кого угодно*. Он умел расположить к себе собеседника.

Когда я был совсем маленьким, мы всей семьей отправились на север штата, чтобы навестить папиных дочерей. Я очень обрадовался, узнав, что у меня есть сестры, и они были настолько же счастливы познакомиться со мной, как и я с ними. Лори, Теди и я быстро вошли в ритм, и мы все стали одной семьей – все благодаря силе нежности Рокси Рокер.

Что это, если не истинное проявление достоинства? Мама настояла, чтобы в поездки на Багамы мы брали моих сестер. Она во что бы то ни стало хотела собрать эту семью воедино, и она это сделала. Связь между членами семей моих родителей стала глубже, чем кто-либо мог себе представить. Мои бабушка и дедушка, Джо и Джин Кравиц, поначалу холодно отнеслись к Рокси. Но им потребовалось не так уж много времени, чтобы понять, что Рокеры – чрезвычайно особенные люди, добрые, щедрые, заботливые. Родители Сая вскоре оценили маминых родителей, и наоборот. Это был серьезный урок – позволить любви победить ненависть. За предубеждениями скрывалась невероятная радость. И много лет спустя, когда у Рокси появились средства, она регулярно отправляла деньги и подарки всей семье и следила за тем, чтобы никто не чувствовал себя обделенным.

Бабушка Джин и дедушка Джо жили в доме 3311 по Шор-Паркуэй в Шипсхед-Бей, Бруклин. Здесь была другая вселенная, чувствовалась энергия Старого мира: кошерные мясники, гастрономы, синагоги. Как и папа, дедушка Джо был по-своему очарователен. Он следил за собой и хорошо одевался. У него была золотая цепочка с символом «чай», кольцо с сапфиром на мизинце, и от него пахло одеколоном. Хоть дедушка и занимался портняжным делом, но все равно до такой степени хотел быть артистом, что заказал настоящую картину маслом, на которой он был изображен в смокинге и с микрофоном в руке. Дедушка видел себя на ме-

сте Эла Джолсона или Эдди Кантора, еврейских певцов, которые достигли больших успехов в мейнстримной американской музыке. Этот портрет висел в прихожей, но дедушка Джо так и не попал в шоу-бизнес. Вместо этого он стал портным, что, как он утверждал, и означала фамилия «Кравиц».

Думаю, сам того не осознавая, дедушка подтолкнул меня к осуществлению своей отложенной мечты. Он был первым, кто вложил мне в руку микрофон. У дедушки был катушечный магнитофон, и он любил записывать свои песни, исполняя мелодии из шоу. Когда он устал, то передавал его мне. Дедушка научил меня песням из *«Карусели»* и *«Юга Тихого океана»*. Я быстро схватывал мелодию и продолжал петь. Это было чем-то таким естественным и веселым. А когда музыка заканчивалась, бабушка Джин продолжала вечеринку и учила меня играть в *«дурака»* – русскую карточную игру. Мы играли часами, пока я поглощал рубленую печенку на маце ее собственного приготовления.

Помимо дедушкиного портрета центральным элементом квартиры папиных родителей была картина маслом, висящая над камином в гостиной. Луч света падал на лицо красивого молодого человека. Это был Леонард Кравиц, младший брат моего отца, погибший во время Корейской войны в возрасте двадцати лет. За то, что Леонард Кравиц пожертвовал своей жизнью, защищая весь свой взвод, он в конечном счете будет посмертно награжден Медалью Почета Конгресса США. В детстве я не мог оторвать глаз от этой кар-

тины, от этой святыни имени павшего сына. Я ощущал всю тяжесть утраты и душевную боль, навалившуюся на семью после гибели моего тезки.

Эта боль лежала в корне обиды, которую бабушка Джин испытывала к моему отцу. Отец первым вступил в ряды вооруженных сил, что подтолкнуло младшего брата последовать его примеру. Думаю, бабушка была убеждена, что если бы папа не пошел в армию, то и Леонард не пошел бы за ним. По ее мнению, в его смерти был виноват мой отец.

Кроме того, я чувствовал острое напряжение между отцом и Джо. Лишь много лет спустя мама объяснила мне источник этого напряжения. Дедушка Джо был не самым верным мужем. Папа презирал тот факт, что его отец изменял матери. Тогда я не понимал всех этих взрослых заморочек. **Я был просто беззаботным ребенком, который болтался у бабушки на кухне, поедая кашу варнишкес³. Но когда я стал взрослым и начал смотреть фильмы Вуди Аллена, то узнал на экране свою семью. Именно на этом еврейском юморе меня и воспитали.**

В 1969 году папа отправился во Вьетнам в качестве журналиста и армейского резервиста. Его не было почти год. Помню его фотографии из Сайгона. В руках он держал фотоаппарат и автомат. Папа рассказывал истории о том, как

³ Варнишкес – традиционное блюдо восточноевропейских евреев, в переводе на русский – «гречка с лапшой». – *Прим. ред.*

сильно он любил Вьетнам – людей, их национальную кухню, – и о том, что у него были свой собственный дом и служанка.

Я испытал некоторое облегчение, когда он уехал. Атмосфера тяжести вдруг исчезла. Папа командовал парадом. Старомодное багамское воспитание моей матери научило ее подчиняться хозяину дома. Так что она не сомневалась в его авторитете. В то же время маму нельзя было назвать слабакой. Она насаждала свою собственную жесткую дисциплину и следила, например, за тем, чтобы я выполнял домашние задания. Но, в отличие от папы, она действовала с любовью. Папа давил на чувство страха.

Когда он наконец вернулся домой с войны, мама была счастлива. Я был в замешательстве. Он тут же вернулся к роли силовика. Отчасти я был благодарен, что он вернулся. Но другая часть меня ненавидела то, насколько быстро он снова взялся за мое воспитание: *«Почему носки не убраны? Что треки Hot Wheels делают посреди комнаты?»* С возвращением отца вернулось и напряжение.

Бед-Стай стал желанным способом его избежать. Самое странное, что две эти жизненные ситуации, несмотря на все различия, уравнивали меня. Не скажу, что они научили меня адаптироваться к любой ситуации или что я родился с этой способностью. Но я абсолютно уверен, что когда приходило время отправляться в Бруклин, Эдди рвался больше

всех.

Именно в Бруклине бабушка Бесси впервые задумалась о моем музыкальном таланте. Все началось в супермаркете Waldbaum на ДеКалб-авеню. Пока она оплачивала покупки, я, стоя рядом, начал напевать какую-то мелодию. Продавец узнал в ней Чайковского. Он удивился, откуда такой малыш знает Чайковского. Удивленная бабушка повернулась ко мне за ответом. Я сказал, что услышал эту мелодию в Show 'N Tell – пластиковом телевизоре с виниловым проигрывателем наверху. Эта мелодия застряла у меня в голове. Кассир сказал бабушке, что это очень сложная мелодия для запоминания ребенком. Я лишь пожал плечами. Для меня в этом не было ничего особенного.

Бродвейские мелодии, поп-песни, симфонии – все это оседало в моей голове. Они приносили мне удовольствие. Но между удовольствием и страстью существует разница. Страсть к музыке пробудилась только с появлением Jackson 5. J5 изменили правила игры. Они ворвались на сцену в 1969 году, когда мне исполнилось пять лет – в тот же год, когда меня начали преследовать кошмары о том, что я застрял в могиле. Их первые синглы – «I Want You Back», «ABC», «The Love You Save» – завораживали меня. Эти хиты распахнули мой разум и сердце, что не удавалось никакой другой музыке. Одно дело сказать, что вам нравится группа, и совсем другое – что эта группа изменила вашу жизнь.

Ленни Джексон

Некоторые называли Jackson 5 поп-жвачкой. Это было совсем не так. В основе их хитов лежали сложные мелодии и изощренные аранжировки. Даже в детстве я понимал это: басовые партии, ритм-гитара, нюансы ударных инструментов. Но помимо этого они носили одежду с яркими узорами в психоделическом стиле и выполняли сверхточные, четкие танцевальные движения. В центре всего этого был Майкл. Ему было одиннадцать, но выглядел он младше. Я чувствовал с ним какую-то связь.

В доме родителей часто играли пластинки выдающихся вокалистов, которые я с удовольствием слушал. Мама и папа обожали соул. Я знал Арету Франклин, Gladys Knight & the Pips, Эла Грина, Кертиса Мэйфилда, Отиса Реддинга и всех остальных. Вот почему могу утверждать: я знал, что Майкл был таким же крутым, как и другие выдающиеся исполнители, даже в столь молодом возрасте.

Слушая Jackson 5, я следил за разговорами между братьями и их музыкантами. Я нырял в них с головой. Я слышал, как Майкл взаимодействует с ритм-секцией. Я понимал, как все элементы соединяются воедино – струнные, сплетающиеся в фанк-мелодию, гармоничные акценты бэк-вокала братьев, соло Майкла, воспаряющее ввысь.

Я инстинктивно реагировал на их музыку. Каждый раз я

бежал к шкафу, надевал черные резиновые галоши (представляя, что вместо них на мне оказываются кожаные сапоги), заворачивался в несколько маминых шарфов, хватал маркер вместо микрофона и присоединялся к группе. Подражая движениям братьев, я стал шестым Джексоном. В школе я исписывал тетрадь строками:

Ленни Джексон

Ленни Джексон

Ленни Джексон

16 октября 1970 года. Мне было шесть лет. Папа удивил меня, встретив после школы в тот день и сказав, что мы кое-куда поедem. Мы прошли квартал до Пятой авеню, где отец поймал такси. «До Мэдисон-сквер-гарден», – сказал он водителю.

Я спросил: «А что будет в Мэдисон-сквер-гарден?»

В голове мелькали мысли *о том, что нас ждет. Цирк? Ледовое шоу?*

Он ни в какую не хотел признаваться.

Меня охватило неудержимое любопытство. Чем больше я спрашивал, тем меньше он отвечал, лишь улыбнулся с загадочным блеском в глазах. **Я видел, каким счастливым и очаровательным был мой отец рядом с друзьями. Но такое произошло впервые. Никогда прежде он не казался мне таким счастливым рядом со мной и только со мной.** Когда мы наконец вышли из такси и направились к концертному залу, мое любопытство достигло точки кипе-

ния.

В «Гардене» было полно народу, и все были очень ярко одеты. Мужчины в кожаных пальто до пола. Женщины в коротких облегающих шортах. Афро, шляпы, поражающие своим разнообразием, тюрбаны, дашики – все что угодно. Вскоре после того, как мы уселись на свои места, расположенные очень близко к сцене, вся публика вдруг заволновалась. На арену входила Королева соула. Вспыхнули огни. Все разом обернулись и зааплодировали. В зале появилась Арета Франклин в белой норковой шубе и роскошных бриллиантах. Она и ее свита заняли свои места прямо за нами. Еще до того, как заиграла музыка, когда я еще не знал, кого мы увидим, от нахождения рядом с Королевой у меня по коже пробежали мурашки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.